

Идущий не знает смерти

Анна Мамаенко родилась и живёт в Краснодаре. В 2005 году окончила Литературный институт. Стихи публиковались в журналах «Плавучий мост», «Новый мир», «Наш современник», «Знамя», «Москва», «Юность», «Урал», «Кольцо «А», «День и ночь», «Новая Юность», «Алтай», «Литературная учеба», «Слово Забайкалья», «Симбирскъ», «Журнал ПОэтов», «Чаша круговая», «Образ», «Дон», «Южная звезда», «Дагестан»; «Литературной газете», «Независимой газете – Ex libris» и других печатных и сетевых изданиях. Автор книг «Некрополь еретиков» (Краснодар, 2011) и «Рыбовладелец» (Оренбург, 2022).

тротилловый век

Дома наклоняются ниже и звёзды ложатся у ног.
Из чёрной дыры прорастает простая дорога.
Вокзальная нежность сочится меж сомкнутых строк.
Из сомкнутых рук проливаются контуры Бога.

Возьми меня за руку и уведи далеко
от этих холодных и хищных рекламных созвездий,
распахнутых люков, затоптанных кем-то ростков.
От сорванных крыш и от этой дороги железной.

Меня больше нет в перепутанных планах Творца.
На тёмной воде, подступающей к горлу вокзала,
качается тень и дорогу читает с конца
ремонтной бригаде, уже разбирающей шпалы.

По ржавым жилетам неспешно стекает Луна.
Хлестнёт по глазам небывалая звёздная завязь.
Наряд уже выписан. Я получаю сполна
по паспорту, ордеру, морде... всему, что осталось.

Расстрельные списки январских суровых дождей,
свисающих ключьями с тёмных вокзальных карнизов,

учу наизусть. Ибо вписана в них от рожде...
Не я. И никто за меня не ответит на вызов.

Мой поезд отчалил. Сошлась маслянистая тьма.
Колотятся в окна вконец окосевшие звёзды.
В Тротиловый век брюхом кверху втекают дома,
где Бог-террорист разрушает всё то, что не создал.

* * *

У Ангела – небритая щека.
Мерцает влажно из-под козырька
и прячется в растерянной улыбке.
Картавит Ангел и идёт во тьму.
Но тьма пристрастна. Судя по всему
опять не засчитается попытка...
Пар вифлеемский снегом опадёт.
Послание адресата не найдёт.
Вернётся боль опять с пометкой «выбыл».
Над нами распростёртая рука -
и Ангела хранит исподтишка,
пока он прикемарил с недосыпа.
Уткнулся в тёмный угол и затих.
Он там, куда комар не долетит
и сумрачный Макара телят не гонит.
От карамельки фантик в кулаке.
И лёд в строке. И ветер на реке
таким его запомнит и наполнит.
Проснётся Ангел и пойдёт на свет,
искать своих в забытом Рождестве,
по фантику от карамели мятной.
Запляшет леденцовая звезда.
Свет побежит по выставшим следам
и над яслями замершим телятам.
Дыханья их смешаются в одно.
За облаком откроется окно
и крикнет из окна домашний голос:
«Ну где вас носит?.. Чайник закипел...»
И вспомнит Бог, что шапку не надел,
и с Ангелом прогуливает школу.

* * *

Под небом шелестящих кровель, в конюшнях городских окраин,
поют кузнечики и осы, выводятся птенцы и дети.
Сквозь дыры прошлое заходит и там фонарный свет полощет
в убитой раковине ржавой, поющей об ушедшем строе.
Сквозь пальцы проступают лица. Над патрулями свищет ветер.
Над автоматными стволами, подмигивающими в тумане.
В кармане тихо зреет завязь. Бредут седые иноземцы.
Бормочут ситцевые мантры. Для них нет мест и нет гостиниц.
Для них нет времени – лишь запах. Лишь терпкий запах безвозвратья
под небом шелестящих кровель, в конюшнях городских окраин,
где ливень параллелен полу, и патрули в окно стучатся,
как мотыльки, летя на лампу, цепляя ситцевые мантры
стволами влажных автоматов. На окнах проступают пальцы.
Глаза растут в горшках цветочных, и патрули на них слетают,
чтобы собрать пыльцу доносов, нектар полночных показаний.
И отнести в гудящий улей, под небо шелестящих кровель.

* * *

Ночью Город становится зоопарком теней,
и заносит нас в свой самый чёрный список,
как замирающий вид на клавишах кирпичей,
как сумасшедшую музыку на холстах занавесок.

Тени, прилипшие к светлomu языку,
отправляются в лунные недра на переплавку,
по пути убаюкивая в карманах свою тоску
и сердца, давно отключённые за неуплату.

Люди, состоящие из одного пальто,
пишущие книги из одного названья,
на блестящих спинах трех устаревших китов
от вокзала Земли отбывают по расписанью.

Их провожает Пастух Болотных Огней,
даёт отмашку внимательною рукою.
А потом нас уводит искать ненадёжных путей,
и находиться в зелёном приёмном покое...

дон кихот и его команда

Рыцарь Дон Кихот Ламанчский лежит под мельницей ветряной.
Он совершил все подвиги, он умирает, ему пора домой.
Росинант щиплет тёплыми губами молодую покрасневшую траву.
Дульсинея знать не знает об этом и готовится к randevу.
Дон Кихот смотрит в небо высокое, в небе текут облака.
Он уже не странствующий рыцарь, но об этом не знает пока.
Санчо Панса врачует раны и на рынке закупает фураж.
Их обоих знают в конторе и берут на карандаш.
Их личное дело становится толще день ото дня.
Опер приходит домой, у него большая семья –
жена, ребятишки, родители, тёща и пьяный тесть.
От всего этого оперу хочется на стену лезть.
А Дон Кихот умирает героической смертью бойца.
Он не отступил ни разу и во всём пошёл до конца.
Его Росинант становится круглою сиротой.
Лавочник скоро затарится конскою колбасой.
Опер закажет пива, нарежет колбасный круг.
И упадет головою в слезах на скрещенье рук.
Он будет пить с Санчо Пансой и сморкаться в его осла,
обо всех невинно погибших и тщете своего ремесла.
Он будет махать руками и кричать, что они в крови.
Превратясь в ветряную мельницу, полетит, не касаясь травы.
От семьи, что висит на шее, и вздохнуть ему не даёт,
он отбудет в края далёкие, где ждёт его Дон Кихот.

ход конём

Здравствуй, здравствуй, конь в пальто.
Может, выпил я не то,
и от этого «не та»
в мире тишь и красота.
Красота вокруг и тишь –
все молчат, и ты молчишь,
выступая в шапито,
запахнув своё пальто.
Грустно бедному коню
делать всякую... фигню.

На вопрос – виновен кто?
Отвечают – конь в пальто.
А за всё ответит кто?
Несомненно – конь в пальто.
Опечален бедный конь
этой подлостью людской.
Распахнул пальто – и вот –
на мясной ушёл завод.
Говорит – прощайте все.
Обращайтесь к колбасе...

* * *

В почках выращиваю сад камней.
Разрабатываю концептуализм бродяги.
Биографы, пишущие обо мне,
сдают тонны пустой бумаги.

Во всех издательствах, куда ни сунь –
на столах, заваленных макулатурой –
сотрудники любят друг друга вовсю,
и называют это – культурой.

Над ними парит президент страны.
Кое над кем даже гордо реет...
А мне хочется, задрав штаны,
уехать на ПМЖ к евреям.

Или уйти на своих двоих.
На лифте. На ослике. На самокате.
Туда, где Мёртвое море живет живых.
И в Геенне Огненной места вакантны.

Не участвовать в выборах и тэ дэ.
Ни в вакцинации. Ни в крестном ходе.
Ни быть со страной в Караганде
одной на всех, при любой погоде.

Смыться туда, где кругом вода.
И солёный ветер в сухом остатке.
Где добровольно лижет всегда
только море. И только пятки.

выбор

Книга открыта на двадцать седьмой странице.
Наглухо дом закрыт на десятой квартире.
Те, кто сумел умереть, не успев родиться,
уходят под стук молотков «раз...два...три...четыре...»

Дождем перечёркнуты наши тихие гости.
Азбука в стороны разлетается насекомом.
Мы, как и прежде, зелёные... Только от злости,
а не от юности, которая – в горле комой.

Словно с монетой во рту мы храним молчанье,
каторжно веруя в наступление свободы...
А за спиною топчется новый начальник,
превращающий наше вино в сточную воду.

В позе рака-отшельника мудрено сохранять осанку...
Но всегда есть выбор – остаться стерильно чистым.
Глядишь, вчерашний строитель воздушных замков
стал бригадиром воздушных бульдозеристов.

А может и правда – пора становиться взрослым.
С бронированным взглядом заказывать гроб на вырост.
Только на коньяке и погонах исследовать звёзды
и на все купола креститься – авось не выдаст...

Так беги, не оглядываясь, пока не подкрался опыт,
рук не свинтил и умения летать не отнял,
ладонями впитывать влажный кирпичный шёпот,
неприкаянной тенью взламывая подворотни.

Пусть проходят мимо звёздные караваны
и живые слова отразятся во тьме озёрной,
когда полетишь над миром, кристально пьяный,
на сверхзвуковой, цепляясь за все заборы.

А когда патруль станет шарить за пазухой имя –
не найдёт ничего, кроме глины в ладонях скитальца –
в этой влажной спросонок мгле поплывут над ними
облака, похожие на отпечатки пальцев.

* * *

Если случится у Голема один-единственный выходной,
за неимением отчего он постучится к тебе домой.
И будет красную глину есть и красную глину пить.
В мире, исполненном красок – лишь красною глиной быть...
Станет покорно в угол и взмолится: «Адонай!
Вложи меня в стену заката и больше в меня не играй.
Возьми своё слово обратно, сделай меня кирпичом
красным, как руки убийцы, оставшегося ни при чём.
Перья штопают воздух, выбеливают пустыри,
когда возвращаюсь в гетто, растущее изнутри.
Так сделай меня известкой, белой, как слово смерть.
Закрась кирпичные стены. Скажи печам не гореть».
Он будет молиться в угол. И угол в ответ – молчать
шероховатым краем влажного кирпича,
не ведающего ни обжига, ни тяжести древней стены...
Молитвой краеугольной, исполненной тишины.

выцветший полк

На поломанном ветре лежит дождевая печать.
На рассвете трава раздвигает кирпичные стены.
Время сломанной клавишей западает в пустую печаль.
Буратино глядит в пустоту, превращаясь в полено.

Где шаги обрывались бадьями в колодцы дворов –
на просвет синеватая пустошь и шелест созвездий...
И все ближе товарный, гружёный вязанками дров,
с каждым новым поленом становясь всё светлей и железней.

Мой бракованный брат, наполнитель трамвайных пустот,
вылетает в трубу, разверзаясь навстречу пространству.
И звезда шестикрылая больше над ним не встаёт.
Только напрочь сгоревшему – нечего больше бояться...

Вместо сказки убитой рождаются сплетня и миф.
Дно устало отталкивать нас, а вершины не взяты...
Кто несёт тишину, нежно пальцами перехватив?
Это Выцветший Полк проступает сквозь буквы и даты.

Город глухо зарос фонарями. Из него, не оставив следа,
отступает Выцветший Полк неузнанной армии.
По спинам туманным растекаясь желтками фонарными.
Звездой шестикрылой по трамвайным взойдя проводам.

псалом

Замуруй розетку, если из каждого ржавого утюга
или грохочут берцы, или шумит тайга.
В красном углу – за паутиной – растут рога.
Грозный Иван-дурак убивает иноагента.

Сквозь разводы окна плацкартного в тумане над Чусовой
мерещится с вышкой сросшийся часовой.
Это гипсовый Павлик отбитой сипит трубой,
вызывая из загробного Диснейленда

братка, что в утёсах рынка жирные прятал тела.
Спираль ДНК распадается на москаля и хохла.
Господи Боже мой, как не бояться зла,
если добро всё кулачнее и зубастей.

Долиною смертной тени – за хлебом, за молоком.
Не прикрыться крайнему в очереди ни ватником, ни совком.
Привкус пепла настигнет повсюду, вращёт в геном,
когда сухпаёк станет важней причастия.

Чаша моя преисполнена. Сверху – дно.
И снизу дно. А по краям – темно.
На бетонном поле едва ли взойдёт зерно.
Убивший Дракона никогда не запилит селфи,

чтобы не встретить взглядом горящую чешую.
Смотришь на хату с краю, а видишь – избу на краю.
Это я, туманом отравленный, над бездной своей стою
и помню только одно – идущий не знает смерти.